

ПО СЛЕДАМ ПОЧЕМУЧКИ РАССКАЗЫ И СКАЗКИ

НФ
«ПУШКИНСКАЯ
БИБЛИОТЕКА»
АСТ
АСТРЕЛЬ

ОЛЕГ
КУРГУЗОВ

КУРГУЗОВ

Олег Флавьевич Кургузов
По следам Почемучки.
Рассказы и сказки
Серия «Внеклассное чтение (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30484209

*По следам Почемучки. Рассказы и сказки / Олег Кургузов: АСТ; Москва;
2011*

ISBN 978-5-17-033005-8, 978-5-271-12644-4

Аннотация

В эту книгу прекрасного детского писателя Олега Кургузова (1959—2004) вошли: цикл рассказов «Рассказы маленького мальчика», за которые писатель получил Международную литературную премию имени Януша Корчака, сказки, а также главы из научно-популярной книги для детей «По следам Почемучки».

Содержание

Рассказы маленького мальчика	5
Запасайтесь морковкой!	5
Зверская фотография	7
Ух, котище!	10
Сколько весит голова?	12
И кошки храпят	14
Открытые двери	16
Солнце на потолке	18
Как мы поздравляли папу	20
В ожидании верблюда	23
Как мы неграми были	24
Папа и цыгане	27
Шкаф	29
Трамплин	32
Как мы ходили за грибами	34
Две лишние коробки	36
Как мы на люстре висели	38
Сухопутный или морской?	40
Дождливая арифметика	42
Папа пишет письмо	44
Кто на кого похож	46
Как мы поздравляли маму	47
Борщ по-флотски	50

Мальчик-папа	54
Хухры-мухры	58
День рождения вверх ногами	61
Надоело летать	63
Душа нараспашку	66
Мы пишем рассказ	68
Тревожное время	71
Папа и воры	74
Собачья коза	77
Папа лезет в бутылку	81
Тепло наших чувств	83
Влияние улицы	85
Здравствуйте, лошадь!	87
Странные дырки	90
Мои родители – оптимисты	92
Ля и тру-ля-ля!	94
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Олег Кургузов

По следам Почемучки.

Рассказы и сказки

Рассказы маленького мальчика

Запасайтесь морковкой!

Мама очистила мне морковку.

– Хрум-хрум-хрум, – начал я.

– Здорово у тебя получается! – позавидовала мама. И очистила морковку себе.

– Хрум-хрум-хрум, – начали мы с мамой.

– Чего это вы тут делаете? – удивился папа, заглянув на кухню.

– Морковку жуём, – говорим мы.

И папа очистил себе морковку. Стали мы жевать втроём.

– Хрум-хрум-хрум!

Тут к нам в дверь постучали.

– Чего вы делаете? – спросила соседка. – У нас в квартире от вас шумно.

– Морковку жуём! – говорим мы.

И соседка присела за стол.

– Хрум! Хрум! Хрум! – хрумкали мы вчетвером.

Потом к нам зачастили соседи по подъезду.

– Чего вы тут творите?! – изумлялись они.

– Морковку жуём! – отвечали мы.

И они по очереди присоединялись к нам.

– Хрум!!!! Хрум!!! Хрум!!! – хрумкали мы все вместе.

У нас с полка стали падать кастрюли. Стол и шкафы ходили ходуном. Оконные рамы хлопали, стёкла дребезжали.

Прохожие останавливались возле дома и смотрели на наши окна.

– Эй! Чего вы там затеяли?! – кричали они.

– Морковку жуём! – вопили мы в ответ. – Хрум!!! Хрум!!!

Хрум!!!

Во дворе зашумели деревья, тревожно закричали кошки. Ещё немного, и мы устроили бы МОРКОВНЫЙ УРАГАН. Да вот только морковка кончилась...

Зверская фотография

У папы болели зубы. И от боли он делал зверское лицо. А ему надо было на новый паспорт фотографироваться.

– Немедленно получите новый паспорт! – говорит ему дяденька милиционер.

– Не могу же я с таким лицом на паспорт фотографироваться, – возражает папа, мычит от боли и снова делает зверскую физиономию.

– Как хотите, только у нас в стране без паспорта нельзя, – говорит милиционер. – С таким лицом и без паспорта вас запросто могут в тюрьму посадить.

– Эх-х! – вздыхает папа и идёт фотографироваться.

А тут у папы зубная боль и прошла. Отправились мы с ним к морю отдыхать. Только нас в самолёт не пускают. Потому что теперь у папы лицо нормальное и на паспортную фотографию не похоже.

– Это не ваш авиабилет и паспорт не ваш, – говорит папе милиционер в аэропорту. – Вы на себя не похожи.

– Конечно, не похож, – соглашается папа. – Я теперь здоровый, а тогда больной был.

– Может вы и теперь больной, – не верит милиционер. – Потому что не свой паспорт предъявляете. А у нас даже здоровых без паспорта в самолёт не сажают.

– Ну и дела! – говорит папа и в сторонку отходит.

Я боюсь, что папа домой вернётся, и хнычу:

– Папочка, к морю хочется...

– И мне хочется, – отвечает папа. Потом грустно вздыхает и зверское лицо корчит, будто у него зубы болят.

– Вот теперь другое дело, – говорит милиционер. – Теперь у вас и в паспорте и наяву одно лицо. Всё по правилам. Можете в самолёт садиться.

Прилетели мы с папой к морю и в Дом отдыха пришли. Стали нас в комнату поселять и паспорт у папы спросили. А папа забыл зверское лицо сделать.

– Гражданин! Почему у вас паспорт чужой? Там ведь совсем другой человек сфотографирован, – говорит ему начальник Дома отдыха. – Мы по чужим паспортам не селим.

– Ох, извините! – говорит папа, быстренько в сторонку отходит и зверское лицо делает.

– Совсем другое дело! – хвалит папу начальник Дома отдыха. – А то ишь вздумали – паспортную внешность изменять.

И поселяет нас в комнату.

Сложили мы с папой вещи в уголок и обедать пошли. Папе есть очень хотелось, он про зверское лицо-то и позабыл. А навстречу – начальник Дома отдыха.

– Гражданин! Гражданин! – кричит начальник. – Вы тут не живёте! У нас жильцов с такими лицами нет. Прошу покинуть столовую!

Весь обед папа зверское лицо делал. От этого у него зубы

снова разболелись.

– Эх! – вздохнул папа. – Если я с таким лицом постоянно ходить буду, меня зубы вконец изведут. А с нормальным лицом меня отсюда выгонят...

– Ладно! – говорю я и тоже вздыхаю. – Ну его, это море, если здесь с нормальным лицом нельзя.

Папа обнимает меня, и мы возвращаемся домой. Мама радуется, паспорт у папы не требует и из дома не выгоняет. Потому что она папу просто так любит. А не за документы.

Ух, котище!

Мама, папа и я ужинали. А кот Лукьян сидел возле стола и смотрел на нас просящими глазами.

Мама отломил кусок сыра и сказала:

– Хочешь сыра, Лукаша? Скажи «мяу».

Кот молчал.

Тут к нам пришла тётя Паша – родственница по папиной линии – и села к столу.

– Лукаша, скажи «мяу», и тебе дадут сыра, – пропела она.

Кот молчал.

Тут к нам пришёл дядя Саша – родственник по маминой линии – и тоже сел к столу.

– Ну, кот, выдай «мяу» и получишь кусок сыра, – строго сказал он.

Кот молчал.

«Эх! – подумал я. – Если бы кот был большим и сильным как тигр, они бы не стали дразнить его».

И тут кот начал расти на глазах. Он рос, рос, рос и превратился в огромного котищу-тигрищу!

– Ну-ка, все хор-р-ром, – зарычал он, – скажите «мяу», или я вас сожру!

Родственники задрожали, прижались друг к другу. И я услышал стук их зубов.

– Быстр-р-ро! – рычал Лукьян.

– М-м-м-я-а-а... – заблеяли родственники.

– Др-р-ружно! – командовал Лукьян.

– Мяу-у-у!!! – завопили родственники.

А я подошёл к Лукьяну, погладил его, почесал за ухом. И котище-тигрище снова стал маленьким котом.

Сколько весит голова?

Мама взвешивала на домашних весах арбуз, а папа смотрел-смотрел и вдруг говорит:

– Слушай! Идея! А что если положить на весы голову и взвесить её?

Мама посмотрела на него и ничего не сказала. А папа задумался и говорит:

– Вообще-то, наверное, ничего не получится. На эти весы можно положить не больше пяти килограммов.

А мама сказала:

– Ты думаешь, твоя голова больше весит?

Папа нахмурился и ушёл из кухни. Мама положила арбуз на подоконник и тоже ушла.

А потом они выясняли отношения в комнате.

– Ага!.. – говорила мама.

– Ну-ну! – сердился папа.

А я думал: «Всё-таки наш папа умный! Я бы никогда до такого не додумался бы!»

Они всё выясняли отношения, а я взвешивал свою голову. Только у меня ничего не получалось. Когда я клал голову на весы, то не мог видеть стрелку. Как только снимал голову с весов, стрелка сразу же возвращалась на «ноль».

И тут меня осенило. Я принёс из ванной большое зеркало и поставил его напротив весов. Теперь-то я всё увижу!

Я положил голову на весы и стал смотреть в зеркало. Но тут в комнату вошла мама.

– Сумасшедший дом! – говорит она. – Ты посмотри, чем занимается ребёнок!

Тут в комнату вбежал испуганный папа.

– Ох, – вздохнул он с облегчением. – Я думал, что-то случилось. А ребёнок просто экспериментирует. Развивает отцовскую идею.

– Ага-а, – говорит мама. – Значит, вы заодно?!

– Почему бы и нет? – говорит папа. – Давайте все будем заодно?

И наклоняется к весам.

Тогда и я кладу свою голову на папину голову.

Мама смотрела на нас, смотрела, а потом махнула рукой:

– Была не была!

И положила свою голову на наши. Мы все вместе стали смотреть в зеркало.

Тут в весах что-то звякнуло, и стрелка убежала на «ноль».

– Ну вот, доигрались, – говорит мама. – Сломали аппарат.

А папа говорит:

– Не огорчайтесь. Давайте гордиться! Ведь умственную силу нашей семьи не измерить никакими весами в мире!

И кошки храпят

На папин день рождения собралось много гостей. Тётушки с их мужьями, дядюшки с их жёнами, мамыны и папины сослуживцы. Они пили, ели и громко разговаривали.

И вдруг папа сказал:

– Внимание! Маленький сюрприз – загадка природы!

Он погасил свет и включил магнитофон.

Из магнитофона слышалось сонное сопение и храпение.

Папа зажёл свет и, таинственно улыбаясь, спросил:

– Ну? Что это было? Кто храпел?

Гости поглядывали то на папу, то на маму и смущённо пожимали плечами.

– Ни за что не догадаетесь! – торжествующе заявил папа и выбежал из комнаты.

Вернулся он, держа на руках кота Лукьяна.

– Вот! – сказал папа. – Это кот храпел, а я его на магнитофон записал.

Ну, тут все, конечно, начали смеяться. Потом захохотали.

А я ушёл на кухню. Там на подоконнике сидел кот Лукьян, и в глазах у него были слёзы. Я забрался на подоконник, сел рядом с ним.

– Не расстраивайся, – сказал я. – Ты ещё не знаешь, как храпят папа с мамой. Вот мы их запишем на магнитофон и

прокрутим кому надо.

Открытые двери

Мы сидели дома: папа, мама и я. Мама взяла носок, папа читал газету, а я рисовал корову.

Тут кто-то постучал в дверь.

Мама посмотрела на папу, вздохнула и снова принялась за носок.

Папа зевнул, посмотрел на маму и опять уткнулся в газету.

А я ни на кого не смотрел, я рисовал корову. И мне тоже некогда было дверь открывать.

Тот, кто был за дверью, начал сердиться и застучал громче и сильнее. Потом ещё громче и ещё сильнее. Потом был сплошной грохот!

– Так и дверь с петель слетит, – сказал папа и отложил газету.

Только он приоткрыл дверь, как в нашу квартиру ворвалась молния.

– Ши-и-их... Баба-а-ах!!!

Папа сидит в одном углу, мама сидит в другом углу, а я в коридоре валяюсь. А все мы чёрные, как негры. Это молния нас закоптила.

– Ничего себе взрывчики! – говорит чёрная мама. – Опасно сердить молнию и держать её за дверью.

– Ещё не то бывает! – говорит чёрный папа, сверкая белы-

ми зубами. – Лучше и вовсе дверь не запирать. Пусть молния влетает и вылетает, когда ей захочется.

Так мы и решили, оставили дверь открытой.

А на следующий день мы все вместе чистили картошку. Захотелось нам жареной картошечки.

И тут в нашу квартиру влетела молния. Сначала она сверкнула в коридоре, потом появилась на кухне. Пошеле-стела немного, добродушно фыркнула и юркнула в форточку.

На кухне запахло печёной картошкой.

– Ну, что я вам говорил?! – воскликнул папа, перестав дрожать. – Если держать двери открытыми, можно и печёной картошечкой побаловаться.

Тут мы стали пробовать картошку, которую испекла молния. И глаза зажмурили. У-у-у!

Печёная – не то что жареная!

Солнце на потолке

Люблю греться на солнышке. Сядешь во дворе на скамейку и греешься. Можно ещё в лес пойти или на пляж. Везде – солнце!

Это летом так хорошо. А зимой на пляже не согреешься. И в лесу снега полным-полно. Увязнешь по горлышко и... И привет!

Зимой я греюсь на солнышке дома. Жаль только, что стены мешают солнцу осветить комнату целиком. Вот луч и прорывается сквозь окно, греет комнату по кусочкам. Сначала кресло, потом пол, потом шкаф. И я догоняю солнечный луч, сижу то в кресле, то на полу, то на шкафу.

И вдруг луч ложится на стену. Как же быть?! Ведь так хочется погреться на солнышке...

– Эх!

И я забираюсь на стену!

Там тепло-тепло, даже спать хочется. Я засыпаю и не слышу, как в комнату входит мама.

– Ты зачем на стену забрался?! – спрашивает она.

– На солнышке греюсь, – говорю я, открывая глаза.

– Солнце уже на потолке, – говорит мама.

И правда, пока я лежал на стене, солнце на потолок убежало.

– В новой рубашке на потолок не лезь, – строго говорит

мама. – Перепачкаешься в побелке.

– Ладно, – соглашаюсь я. И одеваю старую, рваную рубаху.

Как мы поздравляли папу

Обычно по праздникам у папы грустное настроение. А тут наступило 23 февраля – праздник всех мужчин.

– Давай поздравим папу, – сказала мама.

– Конечно, – согласился я. – Ведь наш папа – мужчина.

– Постараемся развеселить его, – сказала мама. – Сделаем ему приятное.

Чтобы сделать папе приятное, мы решили поздравить его на танке. Ведь в армии папа был танкистом. Ему будет приятно вспомнить прошлое.

Танк мы устроили в большой картонной коробке из-под шкафа. Дно у коробки оторвали, а спереди просунули швабру.

– Это будет дуло, – сказала мама и засмеялась.

– А ещё у современных танков скоро будут захваты, – сказал я. – Как у роботов. Этими захватами можно расчищать завалы на пути.

– Как знаешь, – говорит мама. – В этом деле вы с папой разбираетесь лучше меня.

Захват мы с мамой сделали из палки с рогатиной на конце. С этой палкой папа ходит по грибы.

Потом мы с мамой сели в танк и поехали в комнату, где спал папа.

– Дыр-дыр-дыр, – гудели мы, но папа не просыпался.

– Бых! Бых! – стреляли мы из пушки. А папа всё спал.

– Придётся применить захват, – сказала мама и ткнула в папу рогатой палкой.

Папе, наверное, снился какой-то страшный сон. Поэтому он подскочил на кровати как ужаленный.

– А-а-а! – закричал папа спросонья.

Он не стал бы кричать, если бы узнал нас. Но мы с мамой сидели в коробке. И папа, конечно, нас не узнал. Он начал швыряться в нас подушками.

– Гранатами забрасывает, – сказала мама. – Давай газовую атаку!

У нас в танке был баллончик с жидкостью для мух. Из него я дал газовую атаку.

Папа выкатил глаза и раскрыл рот. Потом он прыгнул с кровати на стол, со стола на пол. И убежал из комнаты.

– Кажется, мы немного переборщили, – огорчилась мама. – Противник оказался морально не подготовлен.

– Ведь мы хотели, чтоб всё было по-настоящему, – сказал я.

Мы вылезли из танка и пошли разыскивать противника. Папы нигде не было. Только из-под двери в ванной виднелся свет.

– Эй! Это мы, – говорит мама через дверь. – Сдавайся!

И я тоже кричу:

– Сдавайся! Ты окружён!

Папа услышал наши голоса и выглянул из ванной.

– А, это вы, – сказал он. Вид у него был неважный.

– Поздравляем тебя с праздником, – сказала мама. И протянула папе подарок – новую бритву. – Сюрприз с пробуждением. Ты не обижайся. Праздник есть праздник!

Папа не очень обижался. Он только долго молчал. Потом он пил чай и грустно приговаривал: «Праздник есть праздник... Праздник есть праздник...»

По праздникам у папы всегда грустное настроение.

В ожидании верблюда

Мы играем в футбол в нашем дворе. Мяч летает из угла в угол. У нас во дворе полным-полно углов.

– Им есть, где разгуляться! – говорят наши родители.

И мы разгуливаемся вовсю. Дым коромыслом!

А после дождя в футбол играть совсем негде. Посреди двора – большая лужа.

Но вот приходит верблюд и медленно выпивает всю лужу. А потом уходит восвояси.

– Ура! – кричим мы. – Да здравствуют верблюды!

Мы снова играем в футбол. Целое утро, целый день и целый вечер. Потом снова льёт дождь, и лужа полным-полна.

Мы долго ждём верблюда. Но его нет. А в школе нам рассказывают, что верблюд – корабль пустыни и запасается водой на много дней.

Из-за этого верблюда мы теперь долго не сможем играть в футбол. От скуки мы валяем дурака.

– Им негде разгуляться, – с грустью говорят наши родители.

Они тоже ждут верблюда. Мы ждём верблюда все вместе.

Как мы неграми были

Мы мчались на поезде в неведомую даль. Там, вдали, жила-была наша любимая бабушка. Нам хотелось поскорее её увидеть, и мы с папой то и дело высовывались в поездное окно. То он, то я, то я, то он.

Вот папа высунулся, ойкнул, чихнул и всунулся обратно с чёрным лицом.

– Ну, здорово! – воскликнул я. И быстренько в окно выглянул. Только я ничего не успел увидеть. Просто дёрнулся, ойкнул, чихнул – и обратно. А в оконном стекле моя чёрная физиономия отразилась.

– Интересно, отчего это вы так моментально закоптились?! – удивляется мама и сама в окно высовывается. Только она ничего не успела увидеть, как сама чёрная стала.

Сидим мы в купе, друг на друга пальцами показываем и смеёмся. Надо же, какие грязные!

– Ладно, – говорит мама. – Хватит баловаться, пойдём в туалет умываться.

Пришли мы в туалет, а там кран сухой из стены торчит.

– Кончилась вода, граждане негры! – говорит нам проводник и почему-то по-иностранному добавляет: – Гитлер капут!

– Ура! – кричу я. – Хоть немножко грязными походим!

– Ай, да мальчик! Ай, да молодец! – восхищается провод-

ник. – Мало, что негр, а по-нашему говорит. Ты, мальчик, передай своим родителям-неграм, что я телеграмму на вокзал вышлю. Чтоб, значит, вас встретили как почётную африканскую делегацию.

Подъезжаем мы через час к вокзалу, а возле нашего вагона сразу беготня начинается. Все с цветами носятся и разными плакатами машут. На одном написано: «Негры – тоже люди!», а на другом – «Мы – тоже негры!».

Я успел только два плаката прочитать. Потому что начальник вокзала в бубен ударил и плясать начал на платформе. А нас подхватили и в машину стали запихивать.

Когда нас в гостиницу привезли, мы даже умыться не успели. И маму, и папу, и меня сразу в ресторан поволокли, незрелыми бананами угощать стали. А сами вокруг расселись и «Катюшу» петь начали. А потом нас на руках в комнату отнесли.

– Отдыхайте, – говорят, – граждане негры. Мы пока для вас подготовим встречу с тружениками села.

Когда все из комнаты вышли, папа наконец отдышался и говорит:

– Кажется, нас приняли за негритянскую делегацию.

– Это их проводник надоумил, – говорю я.

– Теперь они нас в покое не оставят, – говорит мама. – Затискают совсем, заставят негритянские танцы перед тружениками села танцевать. А у бабушки, наверное, пироги стынут...

Тут мы все вспомнили про бабушку и нам ещё сильнее захотелось перестать быть почётными неграми.

– Побежали отсюда, – говорю я. И потихоньку дверь в коридор приоткрываю. А из-за двери нам опять кричат: «Гитлер капут!» – и суют недозрелые бананы.

– Просто так они нас не выпустят, – грустно говорит папа. И начинает раздеваться. Потом он мажет себя гуталином, чтобы не только лицо, но и всё тело как у негра было. А из листьев фикуса юбочку негритянскую себе делает.

И в таком виде папа как за дверь выскочит, как зарычит по-иностранному! Тут все наши встречальщики вмиг разлетелись.

А мы быстренько в ванной отмылись, стали беленькими и к бабушке в гости побежали. Пока пироги у неё не остыли.

Папа и цыгане

– Что-то долго нет отца, – сказала мама и посмотрела на часы. А я не стал смотреть на часы, я знал, что папа скоро придёт. Тут в прихожей раздался звонок.

– Ура! – закричал я и побежал открывать дверь.

На пороге стоял цыганский мальчик. Он хотел пить.

Потом пришла цыганская девочка и тоже попросила пить. Потом пить попросила взрослая женщина в разноцветной юбке. Скоро у нас в квартире был целый табор. Они все хотели пить.

А потом они захотели посмотреть нашу квартиру. И пошли гулять по комнатам.

И тогда у нас стали исчезать вещи. Сначала исчезла мамина кофта, потом папины зимние ботинки. А цыганские люди всё ходили и ходили.

Мама сидела на диване и плакала. Я бегал по квартире и искал свою тельняшку. Когда я надеваю свою тельняшку, то ничего не боюсь. Но тельняшки нигде не было.

– Я в отчаянии! – сказала мама.

И тут пришёл папа. Он долго смотрел на наших гостей и наконец сказал:

– Эх ма!

И исчез в своей комнате. Скоро он появился с гитарой.

– Дай-дай-дай! – пел папа.

– Дари-дари-дари! – в ответ ему запели цыганские люди.

Они собрались вокруг папы и стали трясти плечами, руками и ногами.

– Жги! – закричал папа и начал прыгать впрысядку.

Вместе с папой запрыгал весь табор.

А мы с мамой сидели на диване и смотрели на них. Откуда-то стали вываливаться наши вещи. Сначала папины зимние ботинки, потом мамина кофта. И, наконец, моя тельняшка.

Пока мы с мамой собирали вещи, папа ушёл с табором.

Он пропал где-то всю ночь. А когда утром папа вернулся, на нём была рваная красная рубаха и облезлые сатиновые шаровары.

– Где же твой новый австрийский костюм? – строго спросила мама.

– Ерунда! Я выучил новую цыганскую песню, – сказал папа.

И спел нам песню.

Шкаф

Мы купили новый шкаф. С ящичками, дверцами и ручками. Шкаф как шкаф. Но лучше старого.

– Куда же девать старый? – спрашивает мама.

– А мы его с балкона сбросим, – говорит папа.

– Да, на голову управдому Федоскину, – говорит мама. – Может, хоть это чуточку встряхнёт его, и он вспомнит, что обещал заменить нам кран.

Я испугался за управдома Федоскина. Он хоть толстый и ленивый, но добрый. Выбежал я на улицу и встал под нашим балконом. А тут как раз Федоскин идёт. Я и говорю:

– Федоскин, вы здесь не ходите. Папа собирается шкаф с балкона скидывать.

– Это ещё что такое? – кричит Федоскин. – По какому праву?

А я и говорю:

– Шкаф-то совсем старый, никуда не годный.

– Старый-то он старый, – рассуждает Федоскин. – А по голове хлопнет не хуже нового. Это самое настоящее хулиганство. Надо протокол составлять и штраф взимать.

Федоскин ушёл составлять протокол, а я ещё постоял немного, подождал, пока шкаф с балкона вылетит. Но он всё не вылетал и не вылетал.

Тогда я прихожу домой и говорю:

– Что ж вы шкаф-то не скидываете? И Федоскин уже ушёл...

– Ха-ха-ха, – смеются мама и папа. – Неужто ты и вправду думал, что мы шкаф сбросим? Это шутка.

Тут к нам заходит управдом Федоскин с милиционером.

– Нечего смеяться, граждане, – говорит он. – Сейчас штраф взимать будем. Готовьте ваши денежки.

– Это была шутка, – говорит папа. – Ребёнок не так понял.

– А вот чтоб nepовaдно было так шутить, мы вас и оштрафуем, – отвечает Федоскин. – А то ребёнок опять что-то неправильно поймёт и в ваше отсутствие всю мебель честным людям на головы повыкидывает.

Мама заплатила штраф, и Федоскин с милиционером ушли восвояси. Папа стал совсем грустный и говорит:

– Штраф не за дело заплатили. Если бы за дело, не так обидно было бы.

– А давай за дело? – говорю я.

Папа подумал, подождал, пока уйдёт мама, и говорит:

– Давай!

И мы с папой скинули шкаф вниз.

Ух, как он летел! Ух, как он грохнул! Развалился на фанерки, досочки и планочки.

Тут к нам снова заходит управдом Федоскин. Он смущённо улыбается и говорит:

– Может, и вправду это шутка была? Со шкафом, то есть?

И отдаёт штраф обратно.

– Чего уж теперь, – грустно говорит папа. – Шкаф мы уже, того...

– Ну, тогда другое дело, – успокаивается Федоскин. – А то я уж подумал, что обидел вас.

– Садитесь-ка лучше пить чай, – приглашает мама.

Папа и управдом Федоскин садятся и пьют чай.

Трамплин

...Ну вот, опять начинается! Только я ложусь вечером спать – сразу море снится. Волны колышутся и кровать в разные стороны качают:

– Блюм-блюм... Блюм-блюм...

И я засыпаю среди голубых волн.

А утром мне просыпаться надо. А мне опять море снится. Только теперь я на песочке лежу и с солнышком обнимаюсь. Оно такое тё-ё-ёпное и ко мне прижимается.

– Вставай, соня, – говорит мне мама. – Всё на свете проспий.

А я лежу.

– Подъём! – кричит папа. И дует в кулак, как в трубу: – Ту-у-у, ту-ту, ту-ту!

А я лежу.

Они меня поднимают и волокут в ванную умываться. Потом волокут за стол завтракать. И говорят:

– Когда, наконец, ты станешь самостоятельным ребёнком?!

А я очень хочу стать. Чтоб по утрам самому подниматься. Раз-два и на ногах! Я хочу, чтоб мне утром приснился трамплин, с которого на лыжах прыгают.

Целый вечер трамплин рисую. И на стену вешаю напротив кровати. Чтоб утром рисунок увидеть и сразу вскочить, как

спортсмен с трамплина:

– Вжиу-у-у!

Утром я открываю глаза и вижу трамплин на стене. Потом снова глаза закрываю, и мне кажется, будто я качусь с трамплина.

– Вжиу-у-у!

И я лечу.

– Вставай, соня! – говорят мне родители.

Мама берёт меня за одну руку, папа за другую. Они думают, будто я в кровати лежу. Они даже не знают, что я с трамплина лечу. И взлетают вместе со мной.

Мы летим по небу, как три журавля. Два больших и один маленький.

– Эй! – кричит встревоженный папа. – Ты что это задумал?!

– Я летаю! – кричу я.

– Когда дети во сне летают – они растут! – кричит испуганная мама. – А нам страшно!

– Не бойтесь! – кричу я. – И вы подрастёте вместе со мной!

– Мы уже отвыкли от этого! – кричат мама с папой. – Давай назад! Домой!

И я поворачиваю домой.

А потом мы завтракаем овсяной кашей. Мама и папа смотрят на меня со всей строгостью.

– В следующий раз, когда вздумашь летать, предупреждай! – говорят они.

Как мы ходили за грибами

– Ау! – закричала мама.

– Ау! – закричал папа.

– Ау! – крикнул я.

Мы кричали все вместе. И ничего не было понятно.

– Так не пойдёт, – сказал папа. – Будем кричать на счёт «три» и все отдельно. Раз-два-три, – скомандовал он.

– Ау! – откликнулась мама.

– Раз-два-три, – снова посчитал папа.

– Ау! – откликнулся я.

Потом папа скомандовал сам себе и тоже аукнулся.

– Всё, – сказал он. – Первая тренировка окончилась. Можно разойтись и отдохнуть.

Мы с мамой стали отдыхать. Нам предстоял поход за грибами.

Ещё рано утром папа сказал:

– К любому делу надо подходить со всей ответственностью. Поэтому будем отрабатывать кое-какие грибные навыки.

И мы стали аукаться.

А потом папа поставил на пол деревянный грибок, на котором мама штопала носки, и завязал себе глаза платком. Он ползал по полу на коленках и бормотал:

– С открытыми глазами всякий сможет найти гриб, а по-

пробуйте вот так...

Сначала папа опрокинул стул, потом этажерку с книгами, потом телевизор.

Пока мы всё приводили в порядок, пришло время обеда. Мы быстренько пообедали, вышли из дома и поехали в лес на автобусе. На опушке папа построил нас с мамой и сказал:

– Генеральная тренировка. Раз-два-три!

– Ау! – кричала мама. И мы с папой тоже кричали.

Но тут из лесу вышел гражданин с бородой и строго сказал:

– Ну, чего раскричались?! Всё зверьё распугаете!

– Нам грибы нужны, – говорит папа.

И мы пошли искать грибы. Хотя искать было нечего. Во всём лесу ни одного гриба.

– Ну, вот, – сказал я. – Мы распугали и зверей, и грибы.

– Все грибы уже собрали до нас, – сказала мама. – Не надо было с утра заниматься чепухой.

А папа говорит:

– Зато мы подошли к делу со всей ответственностью. Приобрели грибные навыки. Теперь нам не страшны никакие трудности.

По дороге домой мы заехали на рынок и купили грибов.

Вкусная у нас получилась жарёха!

Две лишние коробки

Понадобилось нам однажды шесть коробок. Чтоб, значит, вещи на дачу перевезти.

Коробки мы с папой купили в магазине. Запросто!

А потом папа и говорит:

– Как же их домой отнести? Ведь у нас только четыре руки, а коробок шесть...

– А голова на что?! – спрашиваю я.

– Правильно! – говорит папа. – Надо подумать.

– Чего думать-то?! – говорю я.

И надеваю третью коробку себе на голову.

– Надо же! – удивляется папа. – И голова пригодилась!

И тоже надевает себе на голову коробку.

И вот мы с папой идем домой в коробочной темноте. И стукаемся друг о друга головными коробками.

– Бу-у-ум!!! – басом гудит папина коробка из толстого картона.

– Бам! – тонким голоском отзывается моя коробка из тонкого картона.

– Бум! Бам! Бум! Бам!

Так мы и бьёмся до самого дома. А когда коробки снимаем, шум в голове остаётся.

– Бу-у-ум!!! – гудит в папиной голове.

– Бам! – отзывается в моей.

А мама выглянула из кухни и спрашивает:

– В каком ухе у меня звенит?

– Это не у тебя в ухе, это у нас в головах, – говорим мы.

И рассказываем маме про две лишние коробки.

А она обняла нас и говорит:

– Дорогие вы мои головы садовые... Вернее даже картонные!

Потом поцеловала, и гудение в головах сразу кончилось.

Мы упаковали вещи и с ветерком поехали на дачу.

Как мы на люстре висели

С самого утра маминого праздника мы с папой шептались на кухне. Мама ещё спала, а мы придумывали праздничную неожиданность.

– Когда я был маленьким, – шептал папа, – подарки для моей мамы я вешал на люстру. Проснётся моя мамочка, посмотрит вокруг: ах! – подарок на люстре болтается. Это была радость.

– Давай и мы на люстру цветы с духами прицепим, – шепчу я.

– А не придумать ли нам что-нибудь поинтереснее? – предлагает папа. – Давай рассуждать: сегодня мы всю мамину работу выполнять будем. Ну там, пол подметём, обед стоговим, рубашки постираем... Значит, мы сами сегодня целый день будем для неё подарками! Поэтому я предлагаю взять в руки цветы, духи и самим прицепиться к люстре. Это же сразу двойной подарок получится!

– Ура-а-а... – шепчу я. Мне давно хотелось на люстре покачаться.

Мы с папой взяли верёвки, привязались за пояса к люстре и повисли. Висим, висим, а мама всё спит. Тогда мы пробудную песню запели:

Кто висит на люстре нашей?

Это мы висим с папашей!

Мама с постели вскочила, нас на люстре увидела, да как обрадуется:

– Что с вами?! – кричит.

А мы как ногами замотаем, как закричим:

– Па-здра-вля-ем!!!

А люстра от нашего мотанья и крика хрястнула, из потолка вырвалась и вместе с нами на пол рухнула!

Шуму было, конечно, много. Но зато получилась полная праздничная неожиданность, как мы и хотели.

А мама кричит:

– Эй, вы не разбились?

– Нет! – кричим мы из-под обломков. – Не разбились, это люстра разбилась.

– Вот здорово! – кричит мама. – Она мне уже давно надоела. Я вместо неё новую купила, только боялась, что вам не понравится.

– Понравится, понравится! – закричали мы. – Вместо разбитой нам что хочешь понравится.

Тут мы перестали кричать, подарили маме цветы с духами, повесили новую люстру и сели за стол мамин праздник отмечать.

Сухопутный или морской?

Когда мыши стали ходить по нашему дому пешком, мама сказала:

– Я сомневаюсь в том, что наш кот Лукьян сухопутный!

– А какой же он?! – удивился папа.

– Может быть, он морской котик, – предположила мама.

– Поясни мысль! – сказал папа.

И мама пояснила:

– Если бы он был сухопутным котом, то любил бы мышей.

А он без ума от рыбы. Значит, он морской.

Это точно: Лукьян чуял рыбу в любом конце квартиры и нёсся в этот конец сломя голову. А мышей он не видел в упор. Идёт себе по квартире и упирается в мышь... Или наоборот. Идёт себе мышь по квартире и упирается в кота... И друг друга они не узнают.

– Что же делать? – спросил я и посмотрел на маму и папу с надеждой. – Может быть, Лукьян всё-таки сухопутный?

А папа сказал:

– Сейчас мы устроим ему проверочку!

И тогда мы стали ловить мышей и мазать их рыбьим жиром. Теперь Лукьян чуял мышь в любом конце квартиры. И нёсся за ней сломя голову.

Мыши сначала боялись Лукьяна и кричали страшными голосами. А кот ловил их, облизывал и отпускаял. И мыши

привыкли к Лукьяну.

– Мяу! – сказал кот Лукьян как-то раз.

И мыши побежали к нему сломя головы из разных углов дома. А Лукьян стал их облизывать. Просто так, без рыбьего жира. А мама посмотрела на них на всех и сказала:

– Кто бы мог подумать, что эти мыши так любят ласку!

– Кто бы мог подумать, что Лукьян так любит мышей! – сказал папа.

А я обрадовался и закричал:

– Ура! Значит, он сухопутный!

Дождливая арифметика

Когда пошёл дождь, я спросил папу:

– А сколько в нём дождинок?

– Тысяча, – сказал папа неуверенно. – Или даже миллион.

И тогда мы высунулись в окно и стали считать дождевики.

Сначала на сухом асфальте их было очень легко считать: одна, две, три, четыре...

Но скоро весь асфальт стал мокрым, все капли слились в одно большое пятно, и мы сбились со счёта.

– Не беда! – сказал папа. – Будем считать лужи.

Во дворе появилась одна лужа, две, три. Считать лужи было даже интереснее. Потому что все лужи были разные: одна как блин, другая как огурец, третья как бегемот.

Но скоро мы опять сбились со счёта. Потому что и блин, и огурец, и бегемот слились в одну большую лужицу. Тут и дождь закончился.

Мы с папой вышли во двор и посмотрели на нашу лужицу с гордостью.

– Не каждый сможет столько воды насчитать, – сказал я.

– Учи арифметику получше, – сказал папа. – И ты сможешь насчитать целый пруд или речку, или даже море.

– Ого! – сказал я. – Ради моря можно выучить что угодно!

Потом я разбежался и со всего маху прыгнул в лужу. Брызги во все стороны! Сто или миллион!

Я – мокрый с ног до головы. Папа – мокрый с ног до головы. Вода стекает с нас тоненькими струйками и журчит, как весенний ручеёк.

– Вот тебе и арифметика, – грустно говорит папа.

И мы идём сушиться домой.

Папа пишет письмо

Папа сидел за столом и писал письмо тёте Дусе. Стол был раздвижной, из двух половинок.

Только папа написал: «Дорогая Дуся, здр...», – как его ручка попала в щель между двумя половинками стола, и письмо прорвалось. На месте неоконченного слова «здр» оказалась самая настоящая дырка.

Папа взял новый листок бумаги и снова написал:

«Дорогая Дуся, здр...» Др-р-рык! – дрыкнула ручка и снова застряла в щели.

– Это не письменный стол, – сказал папа, – а стол для делания дырок в письмах. Очень удобно, быстро и надёжно!

Потом он лёг на пол и стал там писать письмо. Но в полу между досками тоже были щели. «Дорогая Дуся, – писал папа, – здр...» Др-р-рык! – дрыкнула ручка и снова проделала дырку.

Папа совсем загрустил и сидел на полу в полной растерянности.

– Не расстраивайся, – сказал я ему. – Хочешь, пиши на моей спине. Она гладкая и мускулистая.

Папа потрогал мою спину, сказал «Ого!» и начал писать на моей спине.

«Дорогая Дуся! – писал папа. – У нас дома полным-полно дырок. Поэтому все мои «здравствуй», предназначенные те-

бе, провалились неизвестно куда. Теперь я пишу на гладкой и мускулистой спине моего любимого сына, но боюсь утомить его. К тому же ему очень щекотно. Поэтому письмо будет очень коротким. Возвращаю по назначению все провалившиеся «здравствуй» тебе: Здравствуй, Дуся, здравствуй, здравствуй, здравствуй, здравствуй, здравствуй, здравствуй, здравствуй, здравствуй, здравствуй!.. До свидания, Дуся».

Скоро пришёл ответ от тёти Дуси. Она признавалась, что никогда в жизни не получала такого замечательного письма с таким огромным количеством пожеланий здравствовать. Теперь она чувствует себя замечательно, здравствует без конца и посылает нам с папой миллион воздушных поцелуев: «Чмок, чмок, чмок, чмок, чмок, чмок, чмок, чмок!..»

Кто на кого похож

Учитель сказал нам:

– Каждый человек своим поведением напоминает какое-нибудь животное... Один ленивый, как, например, медведь. Другой попрыгунчик, как заяц. Попробуйте нарисовать своих мам и пап в виде симпатичных животных. Это будет хорошая шутка, она развеселит ваших родителей.

Когда я пришёл домой, папа лежал на диване, читал газету и зевал.

Я нарисовал его медведем в берлоге.

А тут мама возвратилась из магазина с тяжёлыми сумками. И я нарисовал её верблюдом с огромными тюками.

Мама и папа посмотрели на мои рисунки и рассмеялись. А потом мама спросила:

– Ты рисуешь для школы?

– Конечно! – сказал я. – Это такое задание.

– Ну! – сказал папа. – Зачем же выдавать домашние секреты?! Нарисуй меня лучше в виде бобра, который без усталости строит дом. А мама пусть будет беззаботной порхающей птичкой.

Я так и сделал. Папу – бобром, маму – птичкой.

И сдал рисунки учителю.

И тогда папу привлекли к ремонту школы. А маму заставили петь в родительском хоре. Хорошая шутка получилась.

Как мы поздравляли маму

Когда мама ушла за покупками для праздничного стола, папа спросил меня:

– Ты знаешь, как в порту встречают корабль, возвратившийся из дальнего плавания?

– Нет, – говорю. – Я же никогда не был в порту.

– Его встречают салютом: ба-бах! ба-бах! – объясняет папа и предлагает. – Почему бы нам ради маминого праздника не встретить маму салютом из воздушных поцелуев?!

– А в каком порту? – спрашиваю я.

– Да не в порту, а в нашем дворе, на подходе к дому, – уточняет папа. – Когда она будет возвращаться из магазина.

– Ура! – обрадовался я. – Наша мама – корабль!

А папа посмотрел на меня очень серьёзно и говорит:

– Только сначала надо эксперимент провести – измерить скорость воздушных поцелуев. Тогда мы будем точно знать, в каком месте двора и с какой силой поцелуи натолкнутся на маму.

Я вышел во двор, папа – на балкон.

– Лови! – кричит папа, пускает воздушный поцелуй и включает секундомер.

... Бац!!! И я лежу на снегу. Это воздушный поцелуй уложил меня наповал. Не успел я подняться, как подбежал взволнованный папа.

– Ой-ёй-ёй! – сказал он. – Ты в порядке? Ну, слава Богу! Дальнейший эксперимент мы будем проводить на кошках и собаках. На четырёх ногах им легче удержаться.

Тут же мы поймали дворовую кошку Синьку, посадили на дорожке, по которой должна была пройти мама, и папа пустил с балкона новый поцелуй.

Синьку приподняло, словно смерчем, закрутило и шлёпнуло в сугроб. Перепуганная Синька выскочила из сугроба и с диким воплем забралась на самую верхушку берёзы.

– Ну и дела! – говорит папа. – Бедная Синька! Как же я не рассчитал?..

– Ты просто соскучился по маме и очень хочешь её обрадовать, – говорю я. – Поэтому посылаешь слишком быстрые и сильные поцелуи. Тебе надо быть поспокойнее.

– Да, – соглашается папа. – Нельзя рисковать мамой. Вдруг и её так же... в сугроб завьюжит. Давай ещё на собаках потренируемся.

Дворовая собака Найда спокойно уселась на отведённое ей место посреди дорожки и с удовольствием стала грызть наш сухарь. Но стоило папе вытянуть губы для воздушного поцелуя, как Найда сразу почувствовала недоброе, выплюнула сухарь и, дико взвизгнув, скрылась в кустах.

– Вот и собаку перепугали, – огорчился папа.

– Наверное, тебе не стоит так сильно губы вытягивать, – говорю я. – Из-за этого поцелуи получается резким и плотным, как удар футбольного мяча.

– Может, ты и прав, – говорит папа. – Надо прежде всего скорость воздушного поцелуя по формуле рассчитать.

Целых два часа мы выдумывали формулу, и она у нас всё-таки получилась:

$$\begin{aligned} & \text{ЖПВ} \times \text{СЛ} \\ & \text{СВП} = \\ & \text{РДЛЧ} \times \text{ДГ} \end{aligned}$$

СВП – это Скорость Воздушного Поцелуя.

ЖПВ – Желание Поскорее Встретиться.

СЛ – Сила Любви.

РДЛЧ – Расстояние До Любимого Человека.

ДГ – Длина Губ.

По этой формуле мы ещё долго рассчитывали нужную скорость поцелуя, и, наконец, всё было готово. А тут и мама возле дома появилась. Мы выбежали на балкон и с точно рассчитанной по формуле скоростью послали несколько нежных поцелуев навстречу маме. Поцелуи облепили маму, словно воздушные шарики.

Мама от неожиданности вскрикнула и тут же медленно и плавно вместе с тяжёлыми хозяйственными сумками поднялась в воздух. И воздушные поцелуи понесли её в сторону балкона, в наши с папой объятия.

Борщ по-флотски

В одном конце нашего двора лежит толстое бревно. А в другом – длинная доска. Если положить доску на бревно, получатся качели. Мы с папой так и качались. Он вниз – я вверх. Я вниз – он вверх. Он в воздухе, я на земле. Он на земле, я в воздухе.

– Э-ге-ге, – говорит папа. – Надоело каждый раз на землю возвращаться. Давай полетаем?

– Только потом давай обратно на землю вернёмся, – говорю я.

– А куда ж мы денемся? – говорит папа. – Мама нас к обеду ждёт.

Он прыгает на свой конец доски и подбрасывает меня в воздух. Я взлетаю под облака и тихонечко руками машу, чтоб на месте удержаться. Папу дожидаясь.

Тут подлетает ко мне папа. Он сообразил попросить какого-то дяденьку, чтобы тот его подбросил.

– Ой! – говорит папа грустно. – А парашюты мы и забыли...

– Это пустяки, – говорю я. – Представим себя снежинками и медленно опустимся на землю.

– Ничего себе – снежиночка! Во мне 80 кило, – огорчается папа.

Но огорчается он недолго. Ведь вокруг такая красота!

Солнце на снег светит. Снег блестит и отражает свет обратно на небо. Даже непонятно становится, где земля, а где небо. Всё вокруг голубое! И мы с папой в чёрных пальто летим сквозь эту голубизну.

А папа говорит:

– Жаль, я свой пёстрый шарф дома забыл. Можно было бы им помахать, народ внизу поприветствовать.

И стали мы с папой мечтать, будто мы – вверху, а народ – внизу. Мы шарфом пёстрым машем, а народ радуется, в затылке чешет и кричит: «Во дают!..»

Только размечтались, а с земли вдруг голос из рупора раздаётся:

– Первый-первый, я второй! Ну-ка, заходите с планёром на посадку!

Оказывается, мы пролетали над аэродромом. Аэродромщики не привыкли, что люди сами по себе летают, и приняли нас за самолеты.

– Нет, – говорит папа, – не будем садиться на их аэродром. Они нам сразу номера прилепят, придётся летать под номерами.

– Да, – соглашаюсь я. – Под номерами совсем не то. Скучно под номерами летать.

– Второй, второй! – кричит папа вниз. – Посадку произвести не могу. Шасси не выпускаются. Ухожу на запасной аэродром.

Отлетели мы с папой в сторону. И тут нам навстречу –

стая ворон. И эти тоже не привыкли, что люди сами по себе в небе летают. Ка-а-ак загалдят! Как начали толкаться!

– Ой! – кричит папа. – Я иду колом!

И пошёл колом. Ну, и я вслед за ним тоже колом.

– Осторожно – земля! – кричит папа.

И – бум!!!

– Вижу! – кричу я.

И бац!!!

Хорошо, что я лёгкий. Совсем неглубоко в снег зарылся. А папа тяжёлый, головой в сугробе застрял. Папа возился, пыхтел-кряхтел и, наконец, встал на ноги. Встать-то он встал, а сугроб с головы снять не может.

– Или голову в сугробе оставить, или сугроб домой нести, – размышляет папа.

– Лучше сугроб отнесём домой, – предлагаю я. – Чем ты обед будешь есть, без головы-то?

Пришли мы домой. Папа сразу к горячей батарее прислонился. Чтоб сугроб побыстрее растаял. Ну, сугроб и растаял. Лужа получилась – о-го-го!

– Сейчас придёт мама и устроит нам баню, – говорит папа.

А тут и мама пришла. Посмотрела на лужу и говорит:

– Вы моряки, что ли?

– Вот-вот, – говорим мы с папой. – Моряки мы и есть. Морские души!

– Раз вы моряки, то на обед я сварю вам борщ по-флотски, – сказала мама.

И сварила нам борщ.

Мальчик-папа

Целый час папа воспитывал меня. В который раз он уже повторял:

– В твоём возрасте я был серьёзнее!..

И тут что-то тренькнуло, грохнуло, зашипело и вспыхнуло. Когда дым рассеялся, рядом со мной стоял мальчик в коротких штанишках. Его коленки были исцарапаны, воротник рубашки наполовину оторван, а под левым глазом светился здоровенный синяк.

– Ты кто такой?! – удивился я.

Он зашмыгал носом, а потом сказал:

– Я твой папа. Только... в твоём возрасте.

– Ну и ну! – сказал я. И ещё раз осмотрел его с ног до головы. – А ты в моём возрасте был меньше меня.

– Конечно, – согласился мальчик-папа. – Мы с мамой тебя в спортивную школу устроили. Ты работаешь над своим развитием. А я просто во дворе болтался...

– Зато у тебя синяк отличный! – сказал я с завистью.

– А-а-а..., – махнул он рукой. – Дал тут одному по шею 2 м.

– Пойдём погуляем? – предложил я.

– Ура! – закричал мальчик-папа и рванул на улицу.

Когда я вышел из подъезда, он уже сидел на дереве и махал мне оттуда рукой.

– Ты же запрещаешь мне лазать по деревьям, – сказал я.

– Да ла-а-адно, – протянул он. – Главное, чтоб мама нас не застукала.

Я забрался к нему, и мы стали качаться на сучке. Потом сучок обломился, и мы упали вниз. Папа первый, а я второй. Прямо на него.

– А ты тяжёлый, – сказал он, вылезая из-под меня. – Давай поборемся?

И мы стали бороться. Боролись мы совсем недолго. Потому что я папу сразу поборол.

– У меня просто настроения нет бороться, – сказал он грустно.

– Да ла-а-адно, – протянул я. – Не огорчайся. В другой раз ты меня поборешь.

– Ты только маме не рассказывай, – попросил он, – что победил меня.

– Ты тоже не жалуйся, – попросил я. – Ведь я тебе воротник рубашки совсем оторвал.

– Пустяки! – сказал папа и швырнул воротник в мусорную кучу. – Если мы будем держаться друг друга, то в этой жизни не пропадём.

И тут кто-то окликнул нас из подворотни.

– Эй, пацаны! Ну-ка, быстро сюда!

Там стояли двое взрослых, лет по тринадцать, парня. Когда мы подошли к ним, они сказали:

– По двадцать копеек, салаги! Быстро!

Я похлопал себя по карманам и сказал:

– У меня нет денег...

– А ты попрыгай! Может, зазвенит, – приказал, ухмыляясь, один парень.

Тут мой папа нахмурился, пригнул голову и с криком «А-а-а!» ударил этого парня головой в живот. Это был здоровский удар. Я такого от папы не ожидал. Парень тот сразу кубарем покатился.

А я в этот момент на другого набросился. Двинул ему разок!

В общем, они убежали от нас на другую сторону улицы и завопили:

– Ну, салаги, держитесь! Сейчас мы своих парней приведём!

Они не соврали. И привели ещё пятерых парней. Нас стали окружать со всех сторон.

– Держись, сынок! – сказал мне мальчик-папа. – Сейчас нам придётся туго.

Они уже начали нас бить, когда во дворе появилась наша мама. Их тут же как ветром сдуло. Мама едва успела им нашлёпать.

Потом она отвела меня и мальчика-папу к нам домой, помазала царапины йодом и напоила киселём.

Только мама вышла из кухни, а папа говорит:

– Мы с тобой вдвоём, конечно, сила. Ну, а втроём с мамой – вообще о-го-го! Давай держаться втроём?

– А ты не будешь больше говорить, что в моём возрасте

был серьёзнее, и воспитывать меня по два часа?

Мальчик-папа посмотрел на свои царапины, синяки, изорванную рубашку, вздохнул и пообещал:

– Не буду!

Мы пожали друг другу руки. Тут опять что-то тренькнуло, грохнуло, зашипело и вспыхнуло. Когда дым рассеялся, передо мной снова стоял взрослый папа.

Хухры-мухры

Утром мне приснилось слово «хухры-мухры». Я лежал в постели и радовался: каких только слов не бывает на свете!

Но тут пришёл папа.

– Доброе утро! – сказал он. – Пора вставать.

– Хухры-мухры, – сказал я.

– Давай-давай, – говорит папа, – не разводи матифонию.

Завтрак на столе.

Когда я сел за стол, мама спросила:

– Тебе чай или молоко?

– Хухры-мухры, – сказал я.

– Хм... – сказала мама и сделала мне чай с молоком.

Мы позавтракали и пошли гулять с папой. Навстречу нам попался папин сослуживец Лялькин.

– Здорово, сопляндия! – сказал мне Лялькин.

– Хухры-мухры, – ответил я ему, Лялькину.

– Ну и мальчик у вас! – сказал Лялькин папе. – Наверняка

хулиганом вырастет.

Когда Лялькин ушёл, папа говорит:

– Давай найдём твоему слову полезное применение. Чего попусту его трепать?

Думали мы с папой, думали и решили сначала привесить моё слово на какой-нибудь дом. Пусть люди читают и радуются!

Идём по улице и подыскиваем подходящее место. Домов красивых много, но все они уже давно заняты. С каждого что-нибудь свешивается. Разные там слова и предложения.

– Ладно, – говорит папа. – Если все общественные места уже заняты, найдём применение твоему слову дома.

Мы возвратились домой, достали большой лист белой бумаги и написали на нём слово «хухры-мухры».

А вечером к нам пришли гости.

– У! – говорят они. – Какое у вас интересное высказывание на стене висит. Как мудро и ясно сказано!

Они стали переписывать моё слово в свои блокноты.

А когда гости уже расходились по домам, они тихо спросили папу:

– Уточните, пожалуйста, кому принадлежит это блестящее высказывание. Мы знали, но забыли...

– Нашему маленькому мальчику! – с гордостью говорит папа. – Ребёнок развит не по возрасту!

– Ой! – испугались гости. – Вы нас чуть под монастырь не подвели! Ведь мы собирались цитировать это высказывание где попало... Думали, оно большому человеку принадлежит.

– Не расстраивайтесь, – говорит папа. – Ребёнок вырастет, станет большим человеком, и тогда вы можете цитировать его где попало.

– Ну... когда это будет, – с грустью говорят гости.

– Недолго ждать осталось, – говорит папа и смотрит на меня с надеждой.

А я не подведу папу. Я вырасту, стану большим человеком. И все будут вспоминать: «Ага! Ещё в детстве он сказал «хухры-мухры!...»

День рождения вверх ногами

– Мама, встань, пожалуйста, на голову, – попросил я, стоя на голове.

– Ну, уж нет! – резко отказалась мама. – Моя голова для другого дела.

– Папочка, встань, пожалуйста, на голову, – попросил я.

– Может быть, ещё и ушами похлопать?! – возмутился папа. – Ты посмотри на маму, на меня, на кота Лукьяна, наконец! Разве мы стоим на голове?! Ты в меньшинстве. Значит, ты не прав!

Тогда я раскрыл свои книжки там, где в них были картинки, и поставил всех нарисованных девочек и мальчиков, тётенек и дяденек и даже одного милиционера на голову.

– Ну, а теперь, кто в меньшинстве? – спросил я.

– Если тебе так нравится, стой на голове, – сдались мама и папа. – Только мы не пойдём у тебя на поводу.

Но вот наступил мой день рождения. И ради этого события мама и папа решили пойти у меня на поводу – встали на голову. Мама на свою, папа на свою.

Прихожу я из школы и вижу эту удивительную картину. А родители говорят:

– Поздравляем с днём рожденья! Это наш сюрприз!

Только они не привыкли вверх ногами разговаривать, им тело на подбородок давило и говорить мешало. Поэтому вме-

сто «Поздравляем с днём рожденья!» у них получилось «Пз-взэм здн рэшди!».

Но я-то всё понял. И обрадовался этому сюрпризу на голове больше всякого подарка на ногах. И сам тут же на голову встал.

Скоро родители устали стоять на голове и хитренько так говорят:

– Мжбыт сесь зстл ипит чэстртэм.

Что означало: «Может быть, сесть за стол и выпить чая с тортом?»

– Нет, – говорю я нормальным языком (я же тренирован в головном состоянии). – Хоть я и люблю торт, но давайте, пожалуйста, ещё немножко постоим.

Так мы и простояли на головах весь вечер. Потом от усталости сразу спать легли.

И, засыпая, я бормотал:

– Чай с тортом все пробовали. А вот дня рожденья на голове ни у кого не было...

Надоело летать

Папа захлопнул книжку и сказал:

– Надоели мне эти фантастические истории про разные полёты. Все летают, летают, а ползать никто не хочет.

– Я хочу! – сказал я, упал на пузо и пополз.

Хлоп! Шур-шур-шур... Это папа упал и тоже пополз.

Ползти так интересно, снизу много чего нового замечаешь. Видно, например, что под диваном давно пол не мыли, пылицы полным-полно. И мамина серьга там валяется, рядом – папина пуговица от штанов.

– А вон рубль в пыли лежит, – грустно говорит папа. – Помнишь, мы спиннинг не купили, потому что рубля не хватило?

– Помню, – говорю я. – Если бы мы тогда поползать решились, у нас бы сейчас спиннинг был.

– Лежали бы мы сейчас и спиннинг под диван в темноту забрасывали, – мечтает папа. – Сказка, а не жизнь!..

И тут на нас из-под дивана глаза уставились.

– Амба... – шепчет папа. – Отползай, сынок, я тебя прикрою.

«Амба – это, наверное, змея такая, – думаю я, – которая людей и козлов целиком заглатывает...»

– Нет, папочка, давай вместе, – шепчу я, подползаю к папе и обнимаю его, лежачего.

И тут из-под дивана на нас уже две пары глаз уставились. Большие глаза – грустные-грустные, а маленькие – испуганные...

– Эх! – догадывается папа. – Это же мы с тобой отразились в старом зеркале, которое за диваном стоит.

И тогда мы с папой начали смеяться и чихать:

– Ха-ха-ха! Чих! Ха-ха-ха! Чих!..

Когда под диван смеёшься, оттуда в ответ всегда пыль вылетает.

– После таких переживаний... чих! – чихает папа, – надо подкрепиться. Чих! Укрепить нервную систему. Чих!

– Давай... чих!.. укрепим её котлетами. Чих! – говорю я.

И мы поползли на кухню. А там сковорода с котлетами на полу стоит. Мама всегда сковороду на пол для остывания ставит. Потому что возле пола воздух всегда холодней, чем у потолка.

И вот лежим мы с папой возле котлетной сковороды и котлеты руками в рот запихиваем. Как птеродактили какие-нибудь.

– Вот жизнь! – говорит папа. И глаза у него радостные становятся. – Не жизнь, а сказка!

– Поэтому все змеи такие мудрые, – говорю я. – Они внизу ползают и всё разглядеть могут.

Так мы с папой размышляли о жизни и заснули прямо возле сковороды. А разбудила нас мама.

– Эй, вы! – сказала она. – Вы что, птеродактили, что ли?

– Нет, – говорим мы. – Мы твои родные. Нам просто летать надоело.

Душа нараспашку

Ветер гнул деревья в дугу. Они наклонялись в ту сторону, где под деревьями сидел мой папа. Он был задумчивый и грустный, как пингвин в ожидании Северного сияния.

Мама взглянула в окно на папу и сказала:

– Чего это он там делает?

– Проветривается, – сказал я.

– А по-моему, он простужается, – сказала она. – Сходи за ним и приведи его домой.

Когда я подошёл, папа расстёгивал рубашку и подставлял свою голую грудь упругому ветру.

– Ты чего делаешь? – спросил я.

– Распахиваю душу всему миру, – ответил папа.

От удивления я даже икнул, но папа тут же всё объяснил:

– Видишь: деревья, как огромные веники, гнутся в мою сторону – это они сметают из воздуха всякие чувства, мысли и вести в мою распахнутую душу. И я становлюсь мудрее!

– А если они наметут тебе всякой чепухи: глупых и злых мыслей?! – испугался я.

– Нет! – смело ответил папа. – Дурные мысли меня не коснутся. Вот!

И он показал пальцы, сложенные крест-накрест.

– Ага! – догадался я. Я-то знал, что так надо держать пальцы при встречах с ведьмами и колдуньями, чтобы они не на-

веяли тебе чёрных мыслей.

– Ну, ладно, – сказал папа. – Я ещё посижу тут, на ветру, а ты иди – помоги маме по дому.

Мы с мамой пропылесосили ковры в комнатах и вымыли пол на кухне. А тут и папа возвратился, светящийся от радости.

– Ну, что скажешь? – спросила мама, выжимая половую тряпку.

– Жизнь прекрасна!!! – завопил папа и крепко-крепко обнял нас с мамой.

От него шла такая сильная сила, что нам показалось, будто мы стали лёгкими-лёгкими и вот-вот взлетим прямо к небу. Прямо туда, откуда с огромной высоты, задумчивый и грустный, как пингвин в ожидании Северного сияния, на нас с надеждой глядит наш Боженька.

Мы пишем рассказ

Мы с папой сидели у окна и дивились жизни. Была весна.

– Давай напишем художественный рассказ, – неожиданно предложил папа.

– Про что?! – удивился я.

– Хотя бы про это дерево, которое у нас под окном, – сказал папа.

Мы с ним уставились на дерево и стали думать, что бы такое про него написать. А дерево замахало ветвями, как будто хотело сказать нам: «Давай-давай, ребята! Пиши, катай, дуй во всю ивановскую!»

Но тут к дереву подбежал Колька Сыроежкин, хулиган из соседнего подъезда, и повис на ветке.

– Эй! Эй! – завопили мы с папой, высовываясь из окна. – Отойди! Отойди!

– А чего? – спросил Колька, раскачиваясь на ветке.

– Не трогай дерево! Мы про него рассказ пишем!

Колька ахнул, отцепился от ветки и куда-то убежал.

Мы с папой снова уставились на дерево. А оно снова замахало ветвями: «Давай пиши, не теряй время!»

Но тут из-за угла дома выбежал Колька Сыроежкин и с ним ещё пятеро мальчишек с нашего двора. Они окружили дерево и принялись разглядывать его, как сбежавшего из зоопарка жирафа.

Потом один из них крикнул нам с папой:

– А правда, что вы про это дерево рассказ пишете?

– Ну! – сказали мы с папой.

– А что оно – особенное?!

– Ещё какое особенное! – отвечаем мы с папой. Ведь мы уже успели полюбить наше дерево.

Тогда мальчишки убежали и вернулись с кольями и проволокой. Скоро вокруг дерева была настоящая загородка. На эту загородку они повесили картонку с надписью: «Дериво пра каторое пишут рассказ».

Мы с папой порадовались за наше дерево и пошли обедать. А потом мама поручила нам срочные домашние дела, и мы отложили рассказ о дереве на будущее.

Будущее подошло и промелькнуло очень быстро. Наше дерево уже зацвело как букет: белым и розовым. Потом цветы осыпались, и на дереве появились маленькие яблоки. А в конце лета они стали золотыми и красивыми.

– Оказывается, это чудесная яблоня! – сказал папа.

Мы с ним стали дивиться на яблоню, а потом посмотрели вокруг. Вокруг стояли ободранные деревья. Ведь про них мы не писали рассказ, и мальчишки делали с ними всё что угодно.

– А давай напишем рассказ про все эти деревья, – предложил я папе. – И тогда у нас под окном будет целый сад.

– Ну что ж, это идея! – обрадовался папа. – Искусство – великая сила...

И мы стали писать рассказ про сад.

Тревожное время

Мы сидели за столом на кухне и рассуждали про жизнь. А за окном возле нашего дома шумели и ругались какие-то дядьки.

– Тревожное время наступило, – сказал папа. – Прямо какая-то казацкая вольница. В любое время дня и ночи тебе могут шибануть в окно снежком – и нет стекла.

– Это ещё ничего, если снежком, – сказала мама. – А если из ружья саданут? Тогда и вовсе – поминай как звали...

Я послушал маму, папу и тоже решил своё предложение сделать:

– Это ещё хорошо, если из ружья, – сказал я шёпотом, – а если бабахнут из пушки?.. Вот будет трам-та-ра-рамчик.

Мама и папа посмотрели на меня с тревогой и прислушались к звукам за окном: не заряжает ли кто-нибудь пушку.

А за окном дядьки уже начали лупить друг друга.

– Шлёп-шлёп! Ай-ай! Бум-бум!!! Ой-ёй-ёй! – слышалось из-за окна.

А ещё дядьки ругались, кричали что-то, но слов было не разобрать. Это были уличные звуки.

– Ну-ка, отойди от окна! – строго сказал мне папа.

Они с мамой тоже отошли от окна и теперь сидели в тревожном ожидании, а тем временем за окном стало совсем темно.

«Зачем им ждать и мучиться?» – подумал я.

Потом потихоньку выскользнул на улицу, слепил большой снежок и ка-а-ак в наше окно шандарахнул!

И быстро домой бежать, чтобы маму с папой успокоить. Чтобы сказать им, что это не снаряд пушечный, а всего-навсего снежок.

Забегая я на кухню, а папа с мамой улыбаются и стёкла подметают.

– И ничего особенного! – весело говорит папа. – Подумаешь – снежком стекло разбили... Это пустяки! Из пушки-то никто по нам даже и не выстрелил. А снежками пусть стреляют! Мы новое стекло вставим – получше старого.

А мама говорит:

– Это ты верно сказал! Давно пора было старое стекло заменить. Оно мутное какое-то было, тусклое...

Потом папа завесил разбитое окно одеялом, и мы стали чай пить.

Пьём чай и на оконное одеяло любимся.

– Да-а-а, – говорит мама, прихлёбывая чай, – с одеялом на окне как-то непривычно, но забавно...

– Романтика! – мечтательно говорит папа. – Можно представить, как будто мы в лесу в палатке сидим и чай на костре греем...

– А ещё можно представить, как будто мы в землянке! – радостно говорю я.

Потом мы все смеёмся и ложимся спать в приподнятом

настроении. Мы засыпаем, совсем забыв о тревожном времени.

А рано утром нас будит звонок в дверь. Мама идёт открывать, и я с ней.

На пороге стоит какой-то большой дядька.

– Извините, Марь Ивановна, – говорит он моей маме. – Мы вчера с мужиками под вашим окном постояли и случайно стекло разбили...

А я вышел вперёд и говорю:

– Это не вы разбили, а я снежком разбил...

А дядька говорит:

– Нет, пацан, это мы, того... Так вот, Марь Ивановна, извини нас за ради Бога... Я вот стекло вставить пришёл.

И потом дядька стал окно вставлять. А я снова говорил, что это я разбил. А он не верил...

Потом он окно вставил, снова попросил у мамы прощенья и ушёл совсем.

А мы посмотрели сквозь новое стекло на уличную жизнь. И никаких ружей, и никаких пушек, из которых в окна стреляют, мы не увидели.

А увидели мы за окном красивую жизнь! И дома, и деревья, и облака!

И время за окном показалось нам совсем не тревожным.

– Вот что значит вставить новое, не затуманенное пылью, стекло! – сказал папа.

Папа и воры

Однажды поздно вечером мама сказала папе:

– В нашу квартиру лезут воры!

Папа задумался на минуту, а потом спросил:

– А как ты догадалась?

– Они копаются в замке входной двери, – просто ответила мама. – Иди послушай...

Папа на цыпочках подошёл к входной двери, прислушался. И мы с мамой подошли и тоже прислушались.

– Шур-шур-шур... Чик-чик-чик, – доносились странные звуки из замочной скважины.

– Это кто-то вставляет ключ в наш замок, – прошептал я папе и маме.

– Не ключ, а бандитскую отмычку, – возразил папа шёпотом. – Это воры хотят открыть нашу дверь...

Папа на цыпочках вернулся в комнату и начал рыться в шкафу.

– Что ты ищешь? – спросила его испуганная мама.

Папа долго не отвечал, он всё рылся, рылся, рылся, а потом сказал:

– Я спортивный костюм ищу и боксёрские перчатки...

– Зачем?! – ещё больше испугалась мама.

– Чтобы встретить воров в спортивной форме и дать им достойный отпор, – ответил папа.

Мама быстренько нашла папин спортивный костюм, боксёрские перчатки и кеды. Папа оделся. Мы с мамой осмотрели его.

В одном месте папин спортивный костюм был проеден молью, и там сквозь дырку просвечивала белая папина майка.

Папа ткнул пальцем в дырку и сказал:

– Несolidно в таком виде на люди выходить...

Мама быстренько достала нитки и заштопала спортивный костюм.

А потом папа в одну секунду оказался у входной двери, сделал боксёрскую стойку и прислушался.

Из замочной скважины по-прежнему доносились воровские звуки:

– Шур-шур-шур... Чик-чик-чик...

И тогда папа соорудил страшную физиономию и прошептал нам с мамой:

– Открывайте дверь и резко прячьтесь!..

Мы с мамой шёпотом сосчитали до трёх – «Раз, два, три!» – и резко распахнули дверь.

Спрятаться, как велел папа, мы не успели. Потому что очень удивились.

На лестничной площадке прямо перед нашей дверью стоял наш сосед снизу – дядя Лёва.

– Ой! – сказал дядя Лёва. – Значит, я этаж перепутал и не в свою дверь ключ вставляю. Извините, пожалуйста...

Мама облегчённо вздохнула и говорит:

– Это ничего, это пустяки...

А папа по-прежнему в боксёрской стойке со страшной физиономией стоит и удивлённо смотрит на дядю Лёву.

Дядя Лёва тоже смотрит на папу с удивлением и спрашивает:

– А чего это вы в таком виде?

– Тренируюсь, – говорит папа, – чтобы спортивную форму не потерять.

– Ух ты! – с восхищением говорит дядя Лёва, а потом добавляет, обращаясь к нам с мамой:

– Какой у вас замечательный муж и отец! Если бы я был таким. А я... Эх... Даже ключ не в свою дверь вставляю...

Дядя Лёва безнадежно машет рукой и спускается на этаж ниже, чтобы вставить ключ в замок своей двери.

А мы с мамой с гордостью смотрим на нашего папу. А папа, одетый в спортивный костюм, с боксёрскими перчатками на кулаках, в новых кедах, – та-а-акой краси-и-ивый, та-а-акой краси-и-ивый – ну, просто жуть!

Мне кажется, даже воры zalюбовались бы нашим папой.

Собачья коза

Папа привёл домой козу. Он держал её за верёвку одной рукой, а в другой руке у него была пачка иностранного собачьего корма.

– Вот, – сказал папа, – привёл.

И мама, и я посмотрели на папу с удивлением.

– Зачем нам в квартире коза, если у нас даже сена нет? – спросила мама.

– А зачем нам собачий корм, если у нас даже собаки нет? – спросил я.

– Присядьте, – спокойно сказал папа. – Сейчас я вам всё объясню.

Мы с мамой присели на диван, а папа стал ходить туда-сюда по комнате и объяснять.

– Коза будет давать нам молоко, – объяснял папа. – А кормить мы её будем собачьим кормом, ведь он очень питательный. Но поскольку в собачьем корме много собачьих витаминов, то скоро у нашей козы будет собачий характер...

– Как это?! – воскликнули мы с мамой в один голос.

– А так! Станет наша коза охранять дом как настоящая собака, – отвечает папа с радостной улыбкой и добавляет: – Под воздействием собачьих витаминов!

Мы с мамой посмотрели на папу с большим уважением и тут же придумали для козы имя – Найда. И дали Найде

собачьего корма.

Сначала Найда не хотела есть корм для собак, и папе пришлось даже уговаривать её:

– Представь, что ты – собака, – говорил он козе, ласково поглаживая её между рогов. – Представь! Ты – собака! Ты – собака! – твердил папа. И для наглядности даже погавкал, встав на четвереньки: – Гав! Гав-гав!

Коза сначала испугалась, а потом – наверное, с испуга – стала есть собачий корм.

– Ну, что я говорил! – радостно сказал папа. – Теперь она будет есть этот корм постоянно.

Папа оказался совершенно прав: коза Найда быстро привыкла к собачьему корму. И под воздействием собачьих витаминов у неё стал меняться характер. Доить себя она позволяла всё реже и реже, молоко давала всё меньше и меньше. Но зато научилась рычать и гавкать.

И ЭТО ЕЙ ПРАВИЛОСЬ ГОРАЗДО БОЛЬШЕ, ЧЕМ ДАВАТЬ МОЛОКО.

И даже сам внешний облик козы Найды изменился. Её зубы стали крупнее и острее, на ногах вместо копыт появились острые когти, хвост отрос на целых полметра и залохматился, а глаза засветились какой-то странной собачьей радостью.

И вот однажды, когда в нашем городе неожиданно исчез собачий корм, случилось кое-что страшное. А именно вот что.

Папа предложил козе Найде варёную картошку. Найда понюхала миску с дымящейся картошкой, глухо зарычала и, выставив рога, двинулась на папу.

– Ты что, Найдочка... – растерянно забормотал папа. – Козочка моя ясная... Ты успокойся, миленькая... Вот скоро в магазин снова завезут корм для собачек, и ты снова будешь его кушать...

Однако Найда ждать не собиралась. Она хотела получить любимый корм немедленно. Поэтому она сделала резкий выпад и боднула папу под зад.

– В коридор! – закричал папа нам с мамой, а сам схватил Найду за рога.

Коза зарычала и, вывернувшись, попыталась цапнуть папу отросшими собачьими зубами. Папа отпрыгнул от козы и бросился вслед за нами в коридор.

Едва мы успели захлопнуть за собой дверь, как её сотряс сильный удар. Это Найда пустила в ход свои рога.

Когда это не помогло, Найда стала прыгать на дверь, царапать её и громко гавкать.

– Придётся вызывать укротителей из цирка, – сказал бледный папа. – Своими силами нам не справиться...

Мы с папой остались держать дверь, а мама побежала вызывать по телефону укротителей.

– Быстрее! Быстрее! – кричали мы ей, боясь не выдержать атак Найды, которая то била дверь рогами, то грызла её и рычала.

Наконец, прибыл укротитель вместе со своими помощниками. Они накинули на собачью козу специальную сеть, связали её и увезли в цирк.

Теперь мы покупаем молоко в магазине, для охраны квартиры завели болонку Капу, а на собачий корм даже глядеть не хотим.

– Ну его! – говорит папа и добавляет что-то непонятное, беззвучно шевеля губами.

Папа лезет в бутылку

Мама и папа спорили из-за обоев.

– Розовые! – кричала мама.

– Зелёные! – кричал папа.

Она хотели новые обои наклеить. А я не вмешивался. Потому что лучше всего – белые обои. На них рисовать лучше.

– Розовые! – снова настаивала мама.

– Зелёные! – не отступал папа.

– Не лезь в бутылку! – сказала ему мама.

«Зачем это папе в бутылку?!» – удивился я. Мне сразу стало интересно, и я заглянул к ним в комнату. Папа никуда не лез. Он сидел на стуле и только очень сердился.

– А зачем папе в бутылку? – спросил я маму тихо.

– Про человека, который попусту спорит и упрямится, говорят «Он лезет в бутылку», – объяснила мама. – Взгляни на папу! Как раз этим он и занимается.

– Иди спать! – строго сказал папа. Наверное, для того, чтобы я не мешал ему лезть в бутылку.

И я пошёл. Во сне мне привиделся папа в бутылке. Маленький такой, а вылезти не может. Горлышко-то у бутылки узкое. А лицо у папы сквозь бутылочное стекло – кривое-кривое. И от голода и тоски папа тихонечко завывает:

– Уу-ууу-у, уу-у...

Если выть из бутылки, то голос совсем жуткий получает-

ся. Как у одинокого старого волка.

А я через горлышко папу кормлю, кусочки ему вниз бросаю, виноградный сок из пипетки капаю...

Проснулся я утром, сон вспомнил – и быстрее на кухню. Собрал все пустые бутылки и понёс в магазин сдавать. А на деньги за пустые бутылки я купил банку яблочного компота. Компот этот я не очень люблю, но зато у банки горлышко широкое. Папу легче доставать будет.

Тепло наших чувств

Когда пришло очередное письмо от папиной родни, мама сказала:

– Твоя родня совсем села нам на шею!

А папа сказал:

– Молчала бы уж! Твои-то родственнички не слезают с этой шеи который год.

А я подумал: «Хорошо ещё, что у меня нет родственников, а то бы они сели на шею и маме, и папе, и мне».

– И ни капли тепла в их письмах, – горевала мама. – Сплошные просьбы: достань то, достань это. Они думают, что у нас здесь все есть.

– Да, – согласился папа. – Они в этом уверены. Однако в письмах моих родственников наряду с просьбами содержится некоторая доля тепла.

– Ну уж! – возмутилась мама. – Если уж и есть какая-то частичка тепла, так это в письмах моей родни.

И они заспорили.

– Да! Нет! Что? А! – кричали они.

Потом папа сказал:

– Есть идея! Сейчас мы измерим теплоту их чувств.

Он притащил термометр и стал прикладывать его к письмам.

– Ага! – кричал он. – Моя тётка Марфа – восемнадцать

градусов! А у твоего племянша Шурика всего пятнадцать!

Мама отбирала у него термометр и кричала:

– У! Моя сестрёнка – двадцать градусов, а у твоего Федюни – семнадцать.

Но тут среди кучи писем им попался затёртый конверт. Термометр показал «ноль».

– Ха-ха! – сказал папа. – Наверняка весточка от твоей родни.

Мама развернула письмо и тихо сказала:

– Это написал мне ты, когда мы ещё не были женаты. Какие здесь удивительные слова! Но, оказывается, в письме не было тепла ни на грош?!

– Ну, что ты! – сказал папа. – Наверное, письмо просто остыло за эти годы...

Тут они оба погрустнели и совсем притихли. Им было уже не до споров. Они сидели на диване отдельно, как два каменных острова в тумане.

Тогда я тоже сел на диван и заполнил пустоту между ними.

Влияние улицы

Мама говорит, что наш кот Лукьян – интеллеktуал. Он самостоятельно поднимается к нам на третий этаж, самостоятельно стучит в дверь. А уж открывает ему мама.

Другие коты к нам в дверь обычно не стучатся. Но мама хочет приучить Лукьяна к порядку, поэтому она спрашивает:

– Лукьян, это ты?

– Мяу, – говорит Лукьян.

С улицы кот приходит голодный, мама даёт ему еды. Например, рыбу.

– Ешь, Лукаша, – говорит мама.

И кот ест. Без разрешения он никогда ничего не ест.

А вчера мама сказала, что авторитет кота резко упал в её глазах.

Мама резала колбасу на столе. А потом повернулась спиной и стала мыть сковороду под краном. И тут Лукьяну захотелось кое-чего отведать. Он забрался на стул и потянулся к колбасе. Тянулся, тянулся и оглядывался на маму.

Лукьян не знал, что сковорода не очень грязная и мама помоеет её очень быстро.

– Ты что делаешь, Лукаша?! – воскликнула мама, повернувшись к столу. – Как тебе не стыдно!

Коту стало стыдно, и он опустил глаза.

Мама воспитывала его целых полчаса.

– Порядочные коты так не поступают, – говорила она.

А вечером мама сказала папе:

– Лукьян совсем развращён улицей!

И рассказала про колбасу.

Папа задумался, а потом сказал:

– Хм-м... Нас улица в своё время учила совсем другому.

И посмотрел на Лукьяна с чувством некоторого превосходства.

Здравствуйте, лошадь!

– Где мои штаны? – спросил я папу.

– Вот они, – ткнул он пальцем на шкаф. Штаны болтались на дверце шкафа.

– А где моя рубашка? – спросил я.

– Вот она, – показал папа под стол и добавил: – Когда ты научишься класть каждую вещь на своё место?

– Я не могу запомнить, где эти места, ведь вещей так много, – вздохнул я.

– Тогда давай тренировать память, – предложил папа. – Я знаю один способ! Чтобы запомнить место, где хранится каждая вещь, надо мысленно связать все эти места каким-то одним предметом или понятием.

– Как бусинки на ниточку! – догадался я.

– Вот-вот, – подтвердил папа. – И нашей ниточкой будет... – папа выглянул в окно, – вот точно такая лошадь, как та на улице.

Я тоже выглянул в окно. Под нашим окном стояла белая-белая лошадь.

– Ого! – обрадовался я. Лошадь мне очень понравилась.

– Представь, что к нам пришла эта лошадь и стала раскладывать твои вещи по местам, – сказал папа. – Представь: вот она открыла дверцу шкафа...

– Ап-чхи! Ну и пылищи у вас в шкафу! И беспорядок ка-

кой! – сказала Лошадь. – Неужели не стыдно так жить?

Мы с папой растерялись. Как она оказалась у нас в квартире, эта Лошадь, мы не понимали.

А Лошадь смотрела на нас своими карими глазами и улыбалась, показывая сахарные зубы. Она была белоснежной и тонконогой, как птица.

– Не теряйте понапрасну время! – прикрикнула на нас Лошадь. – Давайте-ка лучше пыль вытирать и порядок наводить.

– Сейчас-сейчас, – заспешил папа. – В одно мгновение!..

Мы с папой забегали по квартире, вытирая, подметая, убирая... Время от времени то я, то папа оглядывались на Лошадь. Мы боялись, что она исчезнет так же неожиданно, как и появилась. Но Лошадь не исчезала. Она ходила за нами по пятам и даже помогала подметать пол своим длинным шелковистым хвостом.

Когда мама вернулась с работы, всё вокруг сияло и сверкало, и каждая вещь аккуратно лежала на своём месте.

– Добрый вечер, тетя Маша! – поздоровалась Лошадь с нашей мамой. – Хорошие у вас мужики! Только немного сонные. Их постоянно чем-то удивлять надо, а то им просто так убираться скучно.

– Да, вы правы, – согласилась мама с Лошадью. – В следующий раз, чтобы удивить их, я приглашу вашего циркового друга – Слона... А это вам за труды. – Мама протянула Лошади сетку с морковью.

– Нет-нет, что вы! – замотала головой Лошадь. – Я же бесплатно вам помогла, просто по вашей просьбе.

Лошадь окинула нас строгим взглядом, улыбнулась сахарными зубами и добавила:

– Из любви к чистоте. Йо-го-го!..

Странные дырки

По пути на дачу мы все промокли до нитки. И мама, и папа, и я. А в дачном домике – холодина-а-а...

– Надо сына в сухое переодеть и возле печки посадить, – говорит мама и начинает растапливать печь.

А папа ищет для меня сухую одежду. И находит только майку дырявую. Потому что вещи-то мои дома остались.

– Подумаешь, дырявая, – говорит папа. – Зато сухая.

И надевает майку на меня. И тут же удивляется.

– Надо же! – говорит папа. – Майка сухая, а дырки-то в ней мокрые.

А я пальцем в дырки тычу – они и вправду мокрые.

– Мокрые дырки! Мокрые дырки! – кричу я. – Ура!

А мама возле печки от дыма кашляет и нам кричит:

– Не ерундите! Дырки не могут быть мокрыми. В них ведь ничего нет. Это нарушение законов физики.

– Мокрые, мокрые! – кричим мы с папой сквозь дым. – Мы открыли новый закон физики!

Мама печку растопила, комнату проветрила и к нам подошла.

– Ну-ка! Где ваши мокрые дырки? – спросила она и пошупала меня сквозь рваную майку. А потом говорит папе:

– Эх, ты! Вместо того чтобы новые законы физики открывать, лучше бы вытер сына после дождя. Это же мокрое тело

сквозь дырки проступает!

Папа пощупал меня и говорит:

– Ой! Теперь и майка от мокрого тела намокла. Сын может простудиться.

Они сняли с меня майку вместе с мокрыми дырками, вытерли насухо и завернули в папин охотничий плащ.

Я согрелся и заснул.

И приснилось мне, будто я сижу на зелёной солнечной лужайке, а вокруг меня летают дырки и чирикают словно воробы:

– Чирик-чирик! Чирик-чирик...

Я крошу им белый хлеб, а они клюют его и кричат радостно:

– Спасибо, Аркаша! Спасибо, Аркаша!

И так всё здорово! Только непонятно, почему они меня Аркашей называют? Ведь меня же Олежкой зовут...

Мои родители – оптимисты

– Бом-бам-бум!

В нашем доме шёл ремонт.

– Бум-бам-бом!

С самого утра колошматили плотники в соседней комнате.

– Бом-бам-бум!

Это продолжалось целый день. Но вот папа с укором сказал маме:

– Люди работают не покладая рук, а ты даже не покормишь их обедом.

– Так что, я против, или мне жаль? – удивилась мама. – Давно бы позвал их к столу.

Папа пошёл к плотникам в соседнюю комнату. А я вприпрыжку побежал за ним вслед. «Как это – “не покладая рук”? – думал я. – Вот дирижёр, который машет палочкой не покладая рук, это понятно. А плотники?..»

– Бум-бам-бом!

У плотников был трам-тарарам. Доски, бруски и планки со вчерашнего дня валялись где попало. Стружки, щепки и опилки покрывали весь пол.

– Бом-бам-бум!

Это плотники лупили по полу костяшками домино. Они на самом деле напоминали дирижёров. Им бы очень подо-

шли дирижёрские палочки.

«Ну, папа им сейчас задаст жару!»— решил я. Но он молча вышел из комнаты.

— Ты знаешь, оказывается, они без устали забивают козла, — сказал он маме.

Тут я зажмурился, представляя, как наша строгая мама выгоняет за шкуру здоровенных плотников. Так однажды было с папой, когда он пришёл домой пьяный.

Но мама звонко рассмеялась.

— Надо же! — с восхищением сказала она. — Какие азартные!

— Бум-бам-бом! — гулко разносилось по дому.

А все соседи, наверно, думали, что у нас — ремонт.

Ля и тру-ля-ля!

В тот день с самого утра палило солнце.

– Хоть бы дождик пошёл, – сказал я маме. – А потом – радуга. Люблю радужные дожди!

А мама и говорит:

– Вот пойдёт дождь, и будет тебе ля и тру-ля-ля...

– А кто это такие – Ля и Тру-ля-ля? – спрашиваю я.

– Когда дождь пойдёт – узнаешь! – обещает мама и уходит по своим делам.

Я остаюсь дома совсем один. И тут как раз дождь начинается, а потом идёт, идёт, идёт...

Скучный какой-то дождь. Тусклый и безрадужный. «Хоть бы эти Ля и Тру-ля-ля пришли в гости», – думаю я.

Слышу – стук в дверь. Открываю. На пороге стоят два каких-то маленьких человечка в разноцветной одежде и в прозрачных, будто стеклянных, колпачках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.